
УДК: 330.341.1: 339

JEL: O11, P16, P27

Юрий Зайцев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Проанализированы проблемы становления предмета и методологии политико-экономических исследований особенностей функционирования экономических систем в условиях качественной трансформации современного технологического способа производства, архитектоники хозяйственной системы, мотивационной парадигмы участия человека в этих процессах. Обоснована необходимость, возможность и целесообразность формирования конкретных институционально оформленных направлений в предметном поле современной политической экономии; критически проанализированы работы некоторых современных теоретиков, которые рассматривают политическую экономию постиндустриального общества как "сервисную политическую экономию" поскольку, по их мнению, доминирующим сектором экономики является сектор услуг.

Доказано, что "сервисная политическая экономия" априори не может охватить всю гамму отношений, противоречий, тенденций и вариантов развития институциональных форм экономики и общества в условиях информационного способа производства, рождающегося на планете на основе научной революции, следовательно, не может отождествляться с собственно политической экономией постиндустриального общества. С этих позиций очерчено поле предмета политической экономии постиндустриального общества, предложено и обосновано мнение, согласно которому политическая экономия постиндустриального общества и современная политическая экономия близки по своей направленности институциональными формами политической экономии в её развитии, предметное поле которых обогащается в условиях усложнения характера взаимосвязей и взаимозависимостей между отдельными элементами и секторами архитектоники глобализированной экономики и глобализирующегося общества.

Ключевые слова: политическая экономия постиндустриального общества, современная политическая экономия, "сервисная полити-

Зайцев Юрий Кузьмич (zyk3000@ukr.net), д-р экон. наук, проф.; профессор кафедры экономической теории ГВУЗ "КНЭУ имени Вадима Гетьмана"; руководитель научной школы КНЭУ "Современная политическая экономия"; Researcher ID: G-8471-2017.

ческая экономия", цифровая экономика, четвёртая индустриальная (промышленная) революция, информационный способ производства, неолиберальная парадигма, человекоцентричная парадигма, парадигма трансгуманизма.

Начиная со второй половины XIX века происходит трансформация индустриального общества и экономической системы в направлении формирования условий становления экономики, в которой объединяются в единый процесс и в единый мощный фактор производства научный и технический прогресс на основе новой технико-экономической парадигмы развития. Такая направленность трансформации формирует и предпосылки потери доминирующих позиций в экономической теории классической политической экономии как моносистемной науки о законах функционирования и развития экономических отношений того или иного общества, поскольку кардинально меняются условия, процесс и результаты функционирования общественного производства, характер и формы противоречий между его основными субъектами, сами субъекты и т. п. Специфической особенностью и условием эффективности трансформации в XX веке становится формирование человекоцентрической и, в определённом смысле, как отмечают отдельные современные исследователи, "сервисной" парадигмы экономического развития.

Эрик С. Рейнерт в своём труде "Спонтанный хаос. Экономика эпохи рецессии" (2017) даёт такую характеристику влияния процесса изменения технико-экономической парадигмы на архитектуру развития современной экономической системы: "Это радикальная инновация, – считает он, – которая изменяет цепочку начисления стоимости практически во всех сферах промышленности. Благодаря ей появляется множество новых отраслей и бесчисленное количество новых продуктов, а модель спроса меняется таким образом, что другие, ранее вполне успешные отрасли, постепенно исчезают. Кроме того, подобные инновации становятся причиной изменений абсолютного большинства производственных процессов. Экономическое развитие меняется: если раньше оно ограничивалось увеличением количества разновидностей одного и того же продукта, то теперь появляется совершенно новый продукт". Цитируемый автор подчёркивает также ещё одну особенность влияния про-

цесса изменения технико-экономических парадигм (что чрезвычайно важно для понимания роли современной политической экономии в познании социально-экономических последствий и перспектив подобных трансформаций): "Глобальные инновационные волны меняют не только ту сферу, которую мы привыкли называть "экономика", но и общество в целом" (курсив наш. – Е.З.) (Рейнерт, 2017. С. 54).

Подобные выводы находят свою поддержку и, в некоторой степени, подтверждение в работах многих современных исследователей, в которых даётся не только характеристика динамических изменений в структуре общественного производства, потребления, секторальных особенностей роста производительности труда, но и говорится о целесообразности и необходимости развития предметного поля современной политической экономии, исследовании причин, природы и возможных последствий упомянутых процессов по реформатированию системы мотивации экономической деятельности и труда, принципах согласования интересов основных субъектов хозяйствования, определении концептуальных основ новых моделей экономической политики и экономического развития глобализованного общества¹. В то же время и на концептуаль-

¹ Клаус Шваб, основатель и исполнительный председатель Всемирного экономического форума, в своей новой монографии "Технологии четвёртой промышленной революции" (2018) фактически определяет, сам того не замечая, поле предмета политической экономии постиндустриального общества. Он, в частности, утверждает, что "мир находится на перепутье. Социальные и политические системы, спасшие миллионы людей от нищеты и полвека направлявшие нашу государственную и глобальную политику, теперь работают против нас. Экономические выгоды, которые дают наука и производство, становятся всё менее доступными, растёт неравенство, а негативные последствия нашей интегрированной глобальной экономики вредят окружающей среде и бедным категориям населения, наименее приспособленным к тому, чтобы выдерживать расходы и побочные эффекты прогресса. Растущее отчуждение между наиболее обеспеченной частью населения и всеми остальными говорит о том, что социальное единство в лучшем случае ослаблено, а в худшем – находится на грани распада". В этих условиях, по мнению К. Шваба, "технологии четвёртой промышленной революции способны полностью изменить сложившиеся способы восприятия окружающего мира, обработки данных, координации действий, производства продуктов и услуг. Они предлагают организациям и отдельным гражданам совершенно новые возможности для создания ценностей". Однако, отмечает К. Шваб, чтобы использовать такие возможности, "необходима сов-

ном, и на теоретико-методологическом уровнях у современных исследователей ещё не сложилась общая позиция относительно особенностей функций, задач и архитектоники предмета современной политической экономии, что, безусловно, затрудняет процесс познания причин тектонических, субстанциональных сдвигов современной экономической системы и современного глобализованного общества, определения возможных вариантов дальнейшего развития человечества, определения принципов и моделей этого развития на основе гармонизации интересов как национальных экономик, так и каждого отдельного человека. Именно такое положение вещей и побудило нас обратиться к анализу сущности, особенностей предмета и методологии политической экономии постиндустриального общества.

Как уже отмечалось выше, интерес учёных к особенностям предмета политической экономии XXI века довольно сильный, что порой находит своё выражение в оригинальных и интересных разработках. Так, например, Анна Врен, анализируя последствия структурных изменений в экономике для дальнейшего экономического и социального развития, в работе "Политическая экономия сервисного транзита" (2013) представляет не только характеристику новой структуры развитых экономик в конце XX – начале XXI века, которая возникает под влиянием изменений в технико-экономической парадигме экономического роста, в том числе и роста благосостояния граждан, но и предлагает расширить предмет современной политической экономии за счёт формирования нового её направления – "политической экономии сервисного транзита", поскольку, по её мнению, "подъём сервисной экономики создаёт новые выборы в политике и открывает возможности коалиций,

местная работа многих заинтересованных сторон для выполнения трёх основных задач: справедливо распределять блага от технологических прорывов, сдерживать их неизбежные негативные эффекты и гарантировать, что новые технологии будут расширять, а не ограничивать возможности всех жителей Земли "(Шваб, 2018. С. 10–11, 15). Кстати, как ярко современная ситуация, описанная К. Швабом, напоминает ситуацию на рубеже индустриального типа экономики и общества, описанную И.А. Шумпетером в работе "Капитализм, социализм и демократия" (1945).

адаптированные к динамическим постиндустриальным рынкам труда" (Wren, 2013).

По мнению цитируемого автора, "сектор услуг принял на себя роль двигателя производства и расширения занятости". Сравнительный анализ роста производительности труда в производственном секторе и различных секторах сферы услуг определяет, по мнению А. Врен, чётко очерченную тенденцию к опережающему развитию, *во-первых*, сферы услуг по сравнению с производственным сектором экономики и, *во-вторых*, доминирование в этом процессе, внутри сектора услуг, подсистем, связанных с движением финансов.

Динамику изменений в росте производительности труда в секторе услуг определяет не только фактор значительного увеличения спроса, но и ИКТ-революция, которая разворачивается в условиях развития постиндустриального, информационного технологического способа производства на основе интеллектуальной экономики. Значение именно этого фактора подчёркивают в своих работах В. Нордхауз (2007. С. 147), К. Коррадо и Дж. Хаскел (2012), Я. Трипплетт и Б. Босворт (2004), отмечая, что вклад ИКТ-капитала в рост добавленной стоимости в течение трёх последних десятилетий был ощутим в большинстве знаниево-интенсивных сервисных секторов, прежде всего, как бизнес-услуги, финансовое посредничество, почта и телекоммуникации.

Интересные, к тому же конструктивные, с позиции определения поля, объекта и предмета исследований современной политической экономии, мысли выражают упомянутые выше авторы о процессе развития условий для расширения торговли услугами в глобализированной экономике. По их мнению, с начала 1980-х годов произошли два важных изменения, которые повлияли на существенное расширение торговли услугами во всём мире. *Во-первых*, ИКТ-революция, которая способствовала оцифровке информации, низкие затраты и мгновенная транспортировка по всему миру, устранили большинство технических ограничений для торговли – по крайней мере в большинстве информационно-интенсивных сфер сервисного обеспечения, таких как финансирование, бизнес-услуги, коммуникация (Freud and Weinhold, 2002; Blinder, 2006, 2009). Так, например, Сюзан Лунд и Джеймс Маника, партнёры

McKinsey & Company и McKinsey Global Institute, члены Совета по международным отношениям CFR, анализируя динамику прироста объёма трансграничных потоков данных, приходят к выводу, согласно которому "вклад трансграничного обмена данными в формирование глобального ВВП уже выше вклада традиционной торговли" (Лунд, Маника, 2017. С. В3). Они называют это явление "цифровой глобализацией". В обоснование такого тезиса цитируемые авторы приводят следующие статистические данные: за 2005–2016 годы объём трансграничных потоков данных вырос в 80 раз; почти 50 млн малых предприятий торгуют на Фейсбуке (в 2013 году их там было всего 25 млн). В 2015 году судьба международной электронной коммерции в глобальной торговле товарами достигла примерно 10% в долларовом исчислении. По расчётам аналитиков, – отмечают С. Лунд и Дж. Маника, – до 2020 года ежегодные расходы на трансграничную электронную коммерцию достигнут 1 трлн долл. США (2017. С. В3).

Во-вторых, Анна Врен и её единомышленники доказывают, что в эпоху, когда потенциал промышленных секторов перестанет выполнять роль драйверов экономического роста и создания занятости в преобладающем большинстве развитых экономик, высокая производительность сектора услуг, котирующихся на международном уровне, играет потенциально критическую роль в будущем развитии этих экономик (Wren, 2013. P. 7).

Бесспорно, размышления Анны Врен, других теоретиков о роли сферы услуг в дальнейшем экономическом развитии, необходимости формирования соответствующего направления исследования закономерностей роста влияния сервисной экономики на жизнь планеты в форме "политической экономики сервисного транзита" являются оригинальными, хотя в то же время противоречивыми, поскольку собственно политической экономии в них мало. Ведь, на наш взгляд, чрезвычайно важно ответить на вопрос, насколько такие тенденции идут на пользу всему обществу, экономической системе в целом, удовлетворению текущих и стратегических интересов каждого члена общества в отдалённой перспективе. А это можно сделать только на основе сущностного политико-экономического анализа причин и последствий происходящих процессов. Однако при любых условиях взгляды А. Врен и её единомышленников свидетель-

ствуют о том, что объективная логика экономического развития общества в XX–XXI веках вызывает потребность в более высоком уровне симметричности логики субъективного мышления учёных, политиков, представителей бизнеса относительно познания новых тенденций, перспектив движения общества, новых мотивов, принципов, характера экономического поведения субъектов экономической жизни.

Одним из самых интересных в этом плане современных учёных, по нашему мнению, является Эндрю Гэмбл, который в своей монографии "Кризис без конца? Крах западного процветания" (2018) даёт характеристику "экзистенциальным угрозам", которые возникли вследствие бурного экономического роста и развития человечества, "изменений организации и образа жизни современных обществ", форм, которые принимал и принимает экономический рост в последние два столетия. Среди таких угроз он называет, в частности, проблему создания благодаря современным технологиям видов оружия, которое потенциально способно уничтожить всё человечество; проблему негативного влияния людей на климат, которое быстро приближает нас к точке невозврата; проблему стремительного роста населения и такого же стремительного сокращения невозобновляемых ресурсов; и, наконец, проблему глобальной бедности, когда "3 миллиарда людей продолжают существовать менее чем на 2 доллара в день" (Гэмбл, 2018. С. 282).

Однако не такой характеристикой "экзистенциальных угроз" интересен упомянутый выше труд Эндрю Гэмбла. Подобные характеристики можно встретить во многих монографиях современных учёных. Пока же очень редко можно увидеть в западной научной литературе анализ глубинных, субстанциональных причин негативных явлений в социальной, экономической, экологической сферах, которые почему-то не решаются в процессе стремительного развития технологического способа производства и глобализации, а наоборот, усугубляются, обостряются до уровня конфликтов и кажутся непреодолимым. Э. Гэмбл один из немногих современных западных исследователей, который не только ставит вопрос – почему?, но и пытается сформулировать подходы к пониманию путей решения этих угроз на основе новых технологических возможностей глобализирующегося общества и изменения

социально-экономической парадигмы экономического развития. *Во-первых*, он отмечает наличие извечного ощущения пропасти между нашими политическими и социальными возможностями, с одной стороны, и нашими экономическими и технологическими возможностями – с другой, а также страха перед тем, что силы, освободившиеся последними, уже вышли из-под нашего контроля" (Гэмбл, 2018. С. 283). *Во-вторых*, по мнению Э. Гэмбла, не так много сегодня политиков или граждан на Западе занимаются проблемами безопасности западных стран и их процветания, а также "порядком, который в одно время был так успешно создан". "Именно в этом смысле, – считает учёный, – нынешний кризис представляется кризисом без конца", ведь если "с чрезвычайной ситуацией (имеется в виду кризис 2008 года. – Ю.З.) удалось справиться", то "глубинные проблемы, в результате которых он возник, остались нерешёнными" (Гэмбл, 2018. С. 283). *В-третьих*, один из немногих теоретиков Запада, цитируемый учёный понимает, что "сложившийся политический порядок хрупкий и не может существовать всегда. Близорукость и инертность могут привести мир к раздробленности, завести его в ещё более глухой угол. Это, по мнению Гэмбла, не необратимо, хотя по многим причинам возможно" (Гэмбл, 2018. С. 284).

Поскольку, считает Э. Гэмбл, "идеи важны, но только идей недостаточно", он предлагает ряд практических шагов по кардинальному изменению принципов и подходов к созданию нового хозяйственного порядка в поле глобализирующегося постиндустриального общества. Это, *во-первых*, "создание новых коалиций заинтересованных групп, достаточно сильных, чтобы реформировать некоторые основополагающие принципы неолиберальной политики"; *во-вторых*, "чтобы западное процветание не исчезло в последующие десятилетия, а более равномерно распространилось среди населения мира, необходимо найти способы, как привлечь все государства к участию в новом открытом международном рыночном порядке и создать структуры управления, которые способны обеспечить сотрудничество, которое необходимо для ответа на сегодняшние вызовы. "Нам нужна новая модель роста, – приходит к выводу Э. Гэмбл, – где главным приоритетом будет открытие технологий, позволяющих компенсировать убытки, нанесенные нами

окружающей среде. И нам нужно новое чувство солидарности, чтобы создать новые ресурсы, которые позволят вернуть вспять тенденцию к росту неравенства и деградации социального обеспечения" (Гэмбл, 2018. С. 284).

Именно такие потребности и проблемы позволяют нам сформулировать ключевую цель этой статьи – познание не только новых внешне очерченных институциональных форм функционирования современной экономической системы и современного общества, таких, в частности, как упомянутые выше сервисная экономика или цифровая глобализация, но проникновение в субстанциональные основы качественных сдвигов в технологическом способе производства глобализирующегося общества, в природу социально-экономических отношений такого общества, в характер противоречий, которые рождаются в процессе становления нового качества развития.

Такая цель, безусловно, не относится, да и не может быть реализована в рамках "политической экономии сервисного транзита", следовательно, требует определения признаков и функций более системной институциональной формы и модели теоретического экономического анализа развития современного общества, в частности, например, такой как политическая экономия постиндустриального общества.

Появление нового технологического способа производства постиндустриального типа, а впоследствии информационной экономики, неоднозначные тенденции и результаты их проявления, функционирования и развития вызвали целый ряд теоретических, методологических, философских, политических, идеологических, практических проблем и вопросов, ответы на которые следует искать, *во-первых*, в рамках междисциплинарного подхода и, *во-вторых*, на основе признания реальной потребности и приоритета политико-экономического подхода к познанию глубинных основ и противоречий процессов, происходящих сегодня в экономике глобализирующегося общества. Ведь, на наш взгляд, "политическая экономия сервисного транзита" Анны Верн и её единомышленников (как и некоторые другие "направления", появляющиеся в современной научной литературе) не анализирует глубоко состояние, интересы, проблемы конкретного человека, тем более на институциональном уровне, хотя и уделяет некоторое внимание анализу причин развития

проблемы неравенства в доходах различных групп работников, занятых в разных секторах сферы услуг. Это делает предмет данного направления современной теоретической мысли привлекательным, красивым, однако, как мы об этом уже говорили, не политико-экономическим.

В отличие от рассматриваемого выше направления как формы развития политической экономии в постиндустриальном обществе, *фундаментальная политическая экономия постиндустриального общества* является системной, конструктивной, эффективной формой проникновения в природу глубинных причин и факторов движущих сил дальнейшего экономического, социального, политического, цивилизационного развития общества, его противоречий, принципов и инструментов экономической политики, использование которых в практической деятельности может обеспечить устойчивые и эффективные результаты по гармонизации всей совокупности потребностей и интересов человека, бизнеса, человечества.

Такую системность, конструктивность и эффективность политической экономии постиндустриального общества придаёт сложная архитектура её предмета и форм функционирования, связанная со становлением и развитием современной политической экономии, таких направлений в её предметном поле, как субстанциональная, институциональная, конституционная или новая политическая экономия, политическая экономия глобализирующегося общества, политическая экономия среднего класса, политическая экономия посткапиталистического общества и т. п. Ведь специфическими особенностями объекта и предмета политической экономии в условиях системной трансформации современного капитализма, капиталистической рыночной экономики, экономических и социальных отношений им присущих становятся причины, последствия и перспективы изменений, происходящих как на субстанциональном, так и на институциональном уровне в экономике, политике, социальной сфере под влиянием системных изменений в технологическом способе производства индустриального типа, в системе потребностей и интересов человека и общества, трансформации архитектуры целей развития, мотивов участия в экономической, политической, социальной жизни страны, планеты, в системе базовых ценностных ориентиров существования государства, обще-

ства и человека, а не только в пределах и поле "сервисной экономики". Именно на таких особенностях предмета современной политической экономики формируются характерные черты и особенности предметной ориентации её вышеупомянутых составляющих, в том числе и политической экономики постиндустриального общества.

В своём исследовании мы не останавливаемся подробно на общей характеристике причин, условий и этапов становления постиндустриальной экономики и общества, поскольку по этому поводу уже существует чрезвычайно широкий круг научных исследований, разведок, источников, в том числе и наших². В то же время обратим внимание на одну важную, на наш взгляд, методологическую особенность, которая должна быть учтена исследователями проблемы при анализе постиндустриальной и информационной экономики. Это, в частности, проблема понимания диалектики сущности и содержания понятия "постиндустриальное общество".

На наш взгляд, необходимо различать понятие "постиндустриальное общество" в узком функциональном его смысле и в широком, связанном с системной характеристикой качественных особенностей всей совокупности отношений, формирующихся в процессе его становления. Речь идёт о том, что постиндустриальное общество в узком понимании – это прежде всего тип экономики, который пришёл на смену индустриальному типу вследствие системных качественных изменений в технологическом способе производства как потребность

² См. например: Зайцев, Ю.К., Савчук, В.С. (2009). Сучасна парадигма методології досліджень постіндустріального суспільства. *Вчені записки: збірник наукових праць*. Випуск 11. Київ: КНЕУ імені Вадима Гетьмана. С. 3–13; Зайцев Ю.К., Москаленко О.М. (2014). Теоретико-методологічні проблеми становлення сучасної політичної економії. *Економічна теорія*. № 4. С. 107–119; Зайцев Ю.К. (2016). Трансформація ціннісних орієнтирів розвитку сучасної економіки: форми прояву, проблеми та перспективи. *Економічна теорія і право: зб. наук. пр.* Харків: Право. № 3. С. 1–26; Зайцев Ю.К., Москаленко О.М. (2018). Сучасна політична економія як теоретична основа економічного розвитку суспільства: у 2 кн. *Кн. 1. Філософсько-методологічні засади архітекτονіки предмета сучасної політичної економії: монографія*. Київ: КНЕУ, 397 с.; Зайцев Ю.К., Москаленко О.М. (2018). Політична економія глобалізованого суспільства. *Проблеми економіки та політичної економії*. Науковий економічний електронний журнал. № 1 (6). С. 95–113.

и требование объективной логики развития экономики и общества.

Постиндустриальное общество в широком смысле представляет собой сложную социально-экономическую, политическую, культурную, духовную, институционально оформленную систему отношений в обществе (метасистеме), которая на основе нового технологического способа производства и новой мировоззренческой парадигмы производит, формирует и использует в своей жизнедеятельности специфическую систему ценностных ориентиров развития, фундаментальными принципами которой являются качественные изменения, происходящие в процессе переходов³ в рамках исторического жизненного цикла экономических систем – от индустриального к постиндустриальному; от постиндустриального к информационному обществу; от информационного к посткапиталистическому обществу (в форме постепенно проступающей тенденции) и др. Такой подход к пониманию критериев тождества и различий понятий "постиндустриальный тип экономики" и "постиндустриальное общество" бесспорно усиливает аргументы в пользу необходимости расширения и углубления поля как объекта, предмета современной политической экономии, так и современной методологической парадигмы исследований политико-экономического характера.

Ещё одним аргументом в пользу роста значения именно политико-экономического подхода в исследованиях тенденций, закономерностей и возможных вариантов последствий развития постиндустриального, информационного типа экономики и общества для человека и человечества становится их дуализм, природу и возможные модели снятия противоречий которого вне политико-экономического анализа понять невозможно. Ведь Четвёртая промышленная, или Четвёртая индустриальная рево-

³ Кстати, Георг Ф. Гегель считал, что "переход является скачком". "Постепенность, по его мнению, является скорее исключительно только безразличным изменением, противоположностью качественному изменению" (Антология мировой философии, 1971. С. 308). Именно поэтому исследование причин, факторов, форм, результатов и перспектив таких "переходов" в форме "скачков", особенно в сфере социально-экономических отношений и интересов субъектов экономической жизни в глобальном обществе, и является одной из главных задач политической экономии постиндустриального общества.

люция, о которой сейчас много говорят и спорят, мощно, по нашему мнению, влияет на углубление двойственности, неоднозначности для дальнейшего развития общества, результатов технологического прогресса. Так, например, Ричард Самонс, председатель Центральной глобальной повестки дня и член правления Всемирного экономического форума считает, что "человечество стоит в начале глобальной трансформации, которая характеризуется конвергенцией цифровых, физических и биологических технологий на пути изменений как окружающего мира, так и нашей самой идеи о том, что значит быть человеком". "Эти индивидуальные технологии становятся убиквитарными (повсеместными), они фундаментально меняют способ, которым [человечество] производит, потребляет, общается, движется, генерирует энергию и взаимодействует между собой" (*Schwab, Sala-i-Martin, 2016. P. 4*).

В то же время, подчёркивает цитируемый автор, "фундаментальная и глобальная природа создаёт новые угрозы, связанные с разрушениями, что может оказать влияние на рынок труда и будущее работы, неравенство в доходах и геополитическую безопасность, а также на социальную ценность систем и этические основы. Сегодняшнюю ситуацию можно описать как время роста неравенства, колоссальной социальной и политической напряжённости, и общего ощущения неопределённости о будущем. Против этого фона выявляемых противоречий Четвёртая индустриальная революция приносит как беспрецедентные возможности, так и усиливающуюся скорость изменений". "Именно поэтому, – подчёркивает Р. Самос, – вопросы, каким образом Четвёртая индустриальная революция будет влиять на границы производительности и драйверы роста, на характер этого влияния, его процесс и результаты, нуждаются в понимании и исследовании" (*Schwab, Sala-i-Martin, 2016. P. 5*).

Следует отметить, что Р. Самос не одинок в своём понимании проблем и угроз, которые несёт с собой для человека, общества, человечества стремительное развитие научной революции, информационного способа производства и потребности всестороннего исследования причин и факторов (а следовательно, и социально-экономических, то есть политико-экономических), для поиска концептуальных моделей, принци-

пов и инструментов экономической, социальной, культурной политики, которая направила колоссальные интеллектуальные и экономические возможности современного глобализирующегося мира в пользу каждого отдельного человека, обеспечив реализацию принципов не только рыночной, но и социальной справедливости, формируя устойчивую тенденцию к сокращению неравенства и несправедливости в обществе. Так, например, Е. Гнатик, отмечая тот факт, что "на современном этапе набирает обороты процесс становления нового кластера, который объединяет в себе информационные технологии, бионанотехнологии и когнитивную⁴ науку", приходит к неоднозначным выводам, согласно которым, *с одной стороны*, "мы являемся свидетелями начала кардинально нового этапа научно-технического прогресса, который не имеет исторических аналогов по степени воздействия на человеческую цивилизацию", *с другой* – "нацеленность на решение амбициозных задач превращает сегодняшний день в момент осуществления судьбоносного выбора, поскольку существует большое количество реальных и гипотетических факторов, представляющих опасность развитию человека". Именно поэтому, считает цитируемый автор, *"актуальной задачей на современном этапе является установление реальных границ использования научно-технических возможностей нано-, био- и когнитивных технологий"* (курсив наш. – Е.З.) (Гнатик, 2016. С. 184).

Среди таких "реальных и гипотетических факторов" научной революции, представляющих или могущих представлять опасность для экономики, ценностной ориентации общества и, собственно, любого человека, Е. Гнатик называет следующие:

⁴ Когнитивистика, когнитология, англ. *Cognitive science* – обозначение исследовательской стратегии, которая используется в гуманитарных науках и компьютерной технике, направленной на описание и объяснение научных проблем с помощью когнитивных категорий (таких, например, как репрезентация или обработка информации). Когнитивистика возникла в 1960-е годы (XX век. – *ремарка наша*) в США. Она занимается исследованием функций интеллекта человека, животных, искусственных машин. Когниция (лат. *Cognitio* – познание, узнавание) – собирательное понятие для обозначения всех процессов и структур, связанных с восприятием и познанием (мышление, воспоминание, представление, память, обучение, планирование и т.д.). Когнитивный – принадлежащий к когниции, или к познанию, то есть, познаётся (Брокгауз. Философия: Концепции, мыслители, понятия. (2010). С. 156–157).

1) способность с помощью нейроимплантантов, биоэлектронных устройств, психотропных веществ изменять как физические, так и когнитивные параметры человека, "способствовать его интеллектуальному, морфологическому и функциональному преобразованию", поскольку "результаты технологий найдут применение в сфере управления поведением человека"; 2) появление нанороботов может существенно уменьшить потребность в физическом труде, а значит, под вопросом может оказаться "родовая сущность человека, относящая его к существу производящему и деятельно активному"; 3) "динамические трансформации общества, появление новых технологий и создание единого информационного пространства вызвали серьёзные социокультурные изменения, размывание и искажение социальных нормативов и ценностных ориентаций, обострение противоречий между традиционными и современными стереотипами поведения, усиление гендерных конфликтов и конфликтов между поколениями, индивидуализацию моделей и стилей жизнедеятельности" (Гнатик, 2016. С. 185–187).

Следует отметить, что риски и опасность, возможное появление которых Е. Гнатик связывает с особенностями развития современной научной революции, значительно возрастают вследствие недостаточного внимания философских, экономических, социальных, политических наук к исследованию и прогнозированию возможных вариантов применения новейших достижений в обществе, которое в силу цивилизационных, социальных и других причин не готово адекватно воспринимать эти достижения⁵. На эту особенность с тревогой обращает внимание, в частности, Д. Ходжсон. По мнению учёного, "когда дело доходит до вопросов определения и трансформации технологии, ортодоксальная экономическая теория обычно слепо трактует технологию как нечто заданное и лишённое социального со-

⁵ О возможных негативных для общества, противоречивых по природе последствиях такой динамической "трансформации общества", "создании единого информационного пространства размывания и искажения социальных нормативов и ценностных ориентаций, обострении противоречий между традиционными и современными стереотипами поведения" и т.д. мы уже не раз упоминали в своих публикациях, рассматривая конкретные институциональные формы, в которых эти процессы и последствия находят своё отражение. Речь идёт в частности о дауншифтерах, трендоидах, прекариате т. п.

держания, как будто технология никак не связана ни с системой отношений в промышленности, ни с методикой организации труда внутри фирмы. Технология воспринимается как явление природы, изучение которого выходит за пределы любой социальной науки" (Ходжсон, 2003. С. 43).

Приведённые мнения и тревоги учёных лишь усиливают нашу уверенность в том, что осложнение и динамизация процессов качественной трансформации современного технологического способа производства требует, во-первых, углублённого политико-экономического анализа противоречий, которые рождаются при такой трансформации; во-вторых, объясняет факт расширения предметного поля такого политико-экономического анализа, поскольку ни одна институциональная, инструментальная форма, обеспечивающая конструктивное движение экономических систем и общества, не может существовать, функционировать и быть реализованной вне взаимовлияния экономических, политических, социальных, цивилизационных, культурологических факторов, что делает сугубо экономический анализ бесперспективным, бесплодным, формальным, поверхностным и, в-третьих, вызывает потребность не только во взаимодействии различных экономических и социальных наук, но и развитии архитектуры предмета собственно современной политической экономии, в частности выделение в единой архитектонике предмета определённых специфических направлений, которые позволяют в процессе системного политико-экономического анализа единого целого более подробно исследовать отдельные подсистемы, элементы, звенья и ниши этого целого, что и обеспечит синергетический эффект познания.

Можно согласиться с мнением учёных, которые, акцентируя на впечатляющей динамике развития нанотехнологий, технологизации отношений и целей развития человека в условиях доминирования рыночных основ и принципов функционирования экономики и общества, распространения идей трансгуманизма, обращают внимание на опасность потери традиционных, классических фундаментальных цивилизационных ориентиров в развитии человека и человечества. В частности, В. Стёпин подчёркивает, что "в современную эпоху факторами риска становятся даже те процессы, которые в предыдущие

эпохи воспринимались как исключительно положительные для человека (например, взаимозависимость между экономическим ростом и потреблением, качеством жизни), как улучшающие качество его жизни, а прежде всего это касается сферы научно-технического прогресса" (Стёпин, 2016. С. 28). В то же время, по мнению цитируемого автора, "сегодня многие констатируют, что научно-технический прогресс не сопровождается нравственным прогрессом" (Стёпин, 2016. С. 41), и это в условиях, когда "фундаментальный постулат трансгуманизма предусматривает неизбежное кардинальное изменение биологического тела человека, переконструирование его вплоть до создания киборгоподобного мыслящего существа, которое пропагандируется как более высокая стадия мыслящего разума" (Стёпин, 2016. С. 40).

Анализируя причины и факторы становления и формирования специфических особенностей объекта и предмета политической экономии постиндустриального общества как специфического системного направления в архитектонике предметного поля современной политической экономии, можно сделать ряд выводов и обобщений, которые свидетельствуют о возможности, целесообразности и конструктивном характере такого подхода. Это, *во-первых*, возможность сосредоточивания исследований на определении причин, характера, содержания и форм противоречий, порождённых вхождением индустриальной экономики и индустриального общества в стадию упадка и распада в результате пространственно-временной ограниченности технологического способа производства индустриального типа; *во-вторых*, определение характера и глубины социально-экономических противоречий на историческом этапе жизненного цикла общества, которое находится в системе координат постиндустриализма и глобализации; *в-третьих*, поиск ответов на вопросы, что будет дальше с экономической, хозяйственной и социальной системой общества, то есть чем завершится переход от одного технологического способа производства к другому и в какой форме: куда, в каком направлении состоится "прыжок" и как это отзовется на решении проблем социально-экономического характера для человека, государства, общества, бизнеса, рыночной формы организации воспроизводственных процессов в сфере

экономической жизни; *в-четвёртых*, формирование и формулирование теоретико-концептуальных подходов к разработке теоретической модели эффективной экономической и социальной политики на национальном и на глобальном уровне, принципов, форм и инструментов согласования и практической гармонизации политических, экономических, социальных и цивилизационных интересов отдельных государств, регионов, социальных групп – органических составляющих системы, которая идентифицируется как современное постиндустриальное глобализированное общество.

Решение этих задач предметного анализа в поле современной постиндустриальной экономики требует, на наш взгляд: 1) сохранения неразрывной связи политической экономии постиндустриального общества с наследием политической экономии классической, прежде всего, с признанием необходимости анализа природы законов, потребностей и интересов, мотивов и стимулов, определяющих возможность и динамику движения экономических систем и общества на всех исторических этапах их жизненного цикла; 2) включения в предмет исследования политических, духовных, цивилизационных, ментальных и других факторов влияния на становление и развитие постиндустриальной экономики и общества в разных регионах глобализирующегося мира; 3) снятия парадигмальных ограничений неоллиберализма на направленность экономических исследований, следовательно, признание в качестве ключевой парадигмы гуманитарной, человекоцентрической, которая ориентирует на поиск путей сохранения и развития человека и человечества. Не случайно, пожалуй, один из самых известных в мире современных экономистов-теоретиков Энрико Коломбатто подчёркивал: "Экономическая теория была названа политической экономией именно потому, что её предметом стала система взаимодействий, сотрудничества и координации, которая существует в таком социальном контексте, который возможен лишь при определённых политических условиях" (Коломбатто, 2016. С. 19).

Следует также отметить, что политическая экономия постиндустриального общества, используя институциональный подход и институциональную методологию, непосредственно нацелена и стремится находить конструктивный и конкретный ответ

на вопросы, связанные с природой противоречий, порождённых именно современной технологической структурой производства, новыми возможностями и рисками людей интеллектуального труда, новыми волнами роста несправедливости и неравенства в глобальном мире. Такое представление о роли и функции политической экономии постиндустриального общества позволяет нам говорить о существовании потребности не только во взаимодействии разных экономических и социальных наук, но и в развитии архитектоники предмета собственно современной политической экономии, в частности выделение в целостной структуре предмета науки определённых специфических направлений, которые позволяют в процессе системного политико-экономического анализа подробнее исследовать отдельные подсистемы, элементы, звенья и ниши метасистемы, что и обеспечит синергетический эффект познания и моделирования эффективной экономической политики в интересах всех субъектов экономической жизни на планете.

Литература

- Антология мировой философии: в 4-х т. (1971). Т. 3. Москва: Мысль. С. 308.
- Брокгауз. Философия: Концепции, мыслители, понятия. (2010). Санкт-Петербург: Амфора; ТИД Амфора: РХГА. 108 с.
- Гэмбл Э. (2018). Кризис без конца? Крах западного процветания. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 304 с.
- Гнатик Е.Н. (2016). Совершенствование человека: тенденции и ориентиры образования в эпоху прогресса технoнауки. *Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий)*. Москва: ЛЕНАНД. 272 с.
- Зайцев Ю.К., Савчук В.С. (2011). Сучасна політична економія (проблеми та інституціональне поле предмета і методології досліджень). Київ: КНЕУ. 337 с.
- Зайцев Ю.К., Москаленко О.М. (2018). Сучасна політична економія як теоретична основа економічного розвитку суспільства: у 2 кн. *Кн. 1. Філософсько-методологічні засади архітекtonіки предмета сучасної політичної економії* : монографія. Київ : КНЕУ, 2018, 397 с.
- Коломбатто Э. (2016). Рынки, мораль и экономическая политика: новый поход к защите экономики свободного рынка. Москва: Мысль. 500 с.
- Лунд С., Маника Дж. (21 апреля, 2017). Цифровая глобализация: защита потоков данных. *Council on Foreign Relations. Tribune News Ser-*

- vices. В Украине – эксклюзивно для "2000". URL: <https://www.2000.ua/v-nomere/derzhava/resursy/cifrovaja-globalizacija-zawita-potokov-dannyh.htm>
- Рейнерт Э. (2017). Спонтанный хаос. Экономика эпохи рецессии. Москва: Политическая энциклопедия. 190 с.
- Степин В.С. (2016). Трансгуманизм и проблема социальных рисков. *Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий)*. Москва: ЛЕНАНД. 272 с.
- Ходжсон Д. (2003). Экономическая теория и институты: манифест современной институциональной экономической теории. Москва: Дело. 464 с.
- Шваб К., Дэвис Н. (2018). Технологии Четвёртой промышленной революции. Москва: Эксмо. 320 с.
- Blinder, A.S. (March/April, 2006). Offshoring: The Next Industrial REvolution? *Foreign Affairs*. P.113–128.
- Blinder, A.S. (2009). Education for Third Industrial Revolution. *J. Hannway and D. Goldhaber (eds.), Creating a New Teaching Profession*. Urban Institute. P.15–28.
- Corrado, C., Haskel, J., Jona-Lasinio, C., Iommi, M. (2012). Intangible Capital and Growth in Advanced Economies: Measurement Methods and Comparative Results. *Discussion Paper No. 6733*. URL: <http://repec.iza.org/dp6733.pdf>.
- Freund, C., Weinhold, D. (2002). The Internet and international trade in services. *American Economic Review*. No. 92 (2). P. 236–240.
- Nordhaus, W.D. (2007). Two Centuries of Productivity Growth in Computing. *The Journal of Economic History*, Vol. 67, No. 1. URL: http://www.econ.yale.edu/~nordhaus/homepage/nordhaus_computers_jeh_2007.pdf. p. 147.
- Schwab, K., Sala-i-Martin, X. (2016). The Global Competitiveness Report 2016–2017. World Economic Forum, Geneva. P. 4.
- Triplett, J.E., Bosworth, B.P. (2004). Productivity in the U.S. Services Sector. New Sources of Economic Growth. Brookings Institution Press Washington, D.C. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/productivityintheusservicessector_chapter.pdf., 389 p.
- Wren, A. (ed.) (2013). The Political Economy of the Service Transition. Oxford, Oxford University Press. 333 p.
- Wren, A. (ed.) (2013). Introduction: The Political Economy of Post-industrial Society. *The Political Economy of the Service Transition*. Oxford, Oxford University Press. P. 7.

Поступление в редакцию 17.11.2018

POLITICAL ECONOMY OF THE POST-INDUSTRIAL SOCIETY

Yuriy Zaitsev

Author affiliation: Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Theory of the Vadym Hetman KNEU.

Email: zyk3000@ukr.net

The article substantiates the necessity, possibility and expediency of the formation of concrete institutionalized directions in the subject field of contemporary political economy and, in particular, its direction as political economy of postindustrial society. The works of some modern theorists who consider the political economy of post-industrial society as a "service political economy" are critically analyzed, since, in their opinion, the sector of services is the dominant sector of the modern economy.

It has been proved that "service political economy" can not a priori cover the whole range of relations, contradictions, tendencies and variants of the development of institutional forms of economy and society in the conditions of the informational method of production that is born on the planet on the basis of a scientific revolution and, therefore, can not be identified with the political economy of post-industrial society. In this context, the field of the subject of political economy of post-industrial society is outlined, the idea is proposed and grounded, according to which the political economy of post-industrial society and contemporary political economy are close in their orientation to the institutional forms of political economy in its development, whose subject field is enriched in conditions of complication of the nature of interrelationships and interdependencies between individual elements and sectors of the architecture of globalized economy and globalized society.

Their subject field is enriched in the context of complexity of the nature of the interconnections and interdependencies between the individual elements and sectors of the globalized economy and the architectonics of globalized society, primarily in such areas as substantivist, institutional, constitutional or new political economy, political economy of a globalized society, political economy of the middle class, and political economy of post-capitalist society.

The article substantiates the position that only the unification of intellectual efforts of representatives of these directions can give a synergistic effect in understanding the laws of functioning and development of the modern economy and society. Also, it allows formulating the principles of an effective theoretical model of the state economic policy,

aimed at solving urgent social and economic problems from the standpoint of ensuring the harmonization of the interests of all social groups and layers of the planet's population under the conditions of the fourth industrial revolution.

Key words: political economy of the post-industrial society, contemporary political economy, "service political economy", digital economy, fourth industrial revolution, informational production mode, neoliberal paradigm, human-centric paradigm, transhumanist paradigm.

JEL: O11, P16, P27.

References

- Anthology of world philosophy (1971). Vol. 3. Moscow: Mysl [in Russian].
- Blinder, A.S. (March/April, 2006). Offshoring: The Next Industrial Revolution? *Foreign Affairs*, 113-128.
- Blinder, A.S. (2009). Education for Third Industrial Revolution. In Hannway J. and Goldhaber D. (Eds.). *Creating a New Teaching Profession*. Urban Institute.
- Brockhaus (2010). *Philosophy: Concepts, thinkers, terms*. Saint-Peterburg: Amphora; TID Amphora: RHGA [in Russian].
- Gamble, E. (2018). The crisis is endless? The collapse of Western prosperity. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics [in Russian].
- Gnatik, E.N. (2016). Human improvement: trends and benchmarks of education in the era of technological advancement. The problem of human improvement (in the light of new technologies). Moscow: LENAND [in Russian].
- Freund, C., Weinhold, D. (2002). The Internet and international trade in services. *American Economic Review*, 92 (2), 236-240.
- Zaitsev, Yu.K., Savchuk, V.S. (2011). Contemporary political economy (problems and institutional field of the subject and methodology). Kyiv: KNEU. [in Ukrainian].
- Zaitsev, Yu., Moskalenko, O. (2018). Contemporary Political Economy as Theoretical Basis of Economic Development of a Society. Book 1. Philosophical and Methodological Principles of Subject Architectonics of the Contemporary Political Economy. Kyiv: KNEU [in Ukrainian].

- Colombatto, E. (2016). Markets, morality and economic policy: a new approach to the protection of the free market economy. Moscow: Thought [in Russian]
- Lund, S., Manica, J. (2017). Digital globalization: protection of data flows. *Council on Foreign Relations. Tribune News Services. In Ukraine – exclusively for the "2000"* [in Russian].
- Reinert, E.S. (2017). Spontaneous Chaos. Economy of the recession. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya [in Russian].
- Hodgson, D. (2003). Economic Theory and Institutions: The Manifesto of Modern Institutional Economic Theory. Moscow: Delo [in Russian].
- Schwab, K., Davis, N. (2018). Technologies of the Fourth Industrial Revolution. Moscow: Eksmo [in Russian].
- Corrado, C., Haskel, J. et al. (2012). Intangible Capital and Growth in Advanced Economies: Measurement Methods and Comparative Results. *Discussion Paper, 6733*. Retrieved from <http://repec.iza.org/dp6733.pdf/>
- Freund, C., Weinhold, D. (2002). The Internet and international trade in services. *American Economic Review*, 92 (2), 236-240.
- Nordhaus, W.D. (2007). Two Centuries of Productivity Growth in Computing. *The Journal of Economic History*, 67, 1. Retrieved from: http://www.econ.yale.edu/~nordhaus/homepage/-nordhaus_computers_jeh_2007.pdf/
- Schwab, K., Sala-i-Martin, X. (2016). The Global Competitiveness Report 2016–2017. World Economic Forum. Geneva.
- Triplet, J.E., Bosworth, B.P. (2004). Productivity in the U.S. Services Sector. New Sources of Economic Growth. Brookings Institution Press Washington, D.C. Retrieved from https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/-productivityintheusservicessector_chapter.pdf/
- Wren, A. (Ed.) (2013). The Political Economy of the Service Transition. Oxford. Oxford University Press.